

* * *

Привычный мир в набросках строгих,
Ты мной изучен и изжит.
Вот мост, вот камень у дороги —
Он пять столетий здесь лежит.

Реки изгиб. За ней притихли
Дубы, окрашенные хной.
Стоят в раздумье, не из них ли
Ковчег построит новый Ной.

В них, как во мне, сокрыты годы
Среди колец и мертвых жил.
Я с этим миром все невзгоды
И все потопа пережил.

Они разящий, и ранимый,
Хранящий память прежних лет,
Как свитер — ветхий, но любимый,
Которому замены нет.

* * *

Едва ли в памяти хранится,
Но прежде, небо испросив,
Сам человек летал, как птица,
И был свободен и красив.

Пропал азарт, сердца остыли.
К земле прижали нас дела...
А ведь когда-то были, были
Больших и белых два крыла.

* * *

Городская жизнь моя, часу не прилечь,
Мне б в деревню дальнюю — да залезть на печь.

Мол, идите к дьяволу, там я свой, ничей!
Пусть угар колышется между кирпичей.

Там приснится речка мне, стайка окуней,
Как купаюсь в речке я с мамою моей...

Постоял, опомнился, в сердце раскардаш.
Камера ты, камера — пятый мой этаж!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Крапчатое, в дымку завитое,
На вершине самых звездных круч
Ночь снесла яичко золотое,
Что луной скатилось в кипень туч.
Кинулась искать, метая пламя
И не зная, как себе помочь,
Бьет о землю черными крылами
И дождями истекает ночь.

* * *

Прожит день и забыт — уж такое мы племя.
Лег в кровать человек и забылся на время.

Отдыхает душа от забот и волнений
В золотой паутине ночных сновидений.

А меня даже сны от тревог не спасают,
Словно тучи, они надо мной нависают.

Никуда меня сны от земли не уносят,
Слышу я голоса, что о помощи просят.

Боль я чувствую чью-то, глаза не смыкая.
Ведь земля этой болью накрыта до края.

Люди! Люди, шепчу я, куда ж вы смотрите?
Я не сплю, я не сплю. И вы тоже не спите!

УТРО

Ночь за собою увлекая,
Бегут по небу облака.
Какая синь, заря какая,
Какая теплая река!
Вовсю резвится рыба стая,
Угрозам щучьим вопреки.
И над водой клубится, тая,
Белесый пар — душа реки.

НИКОЛА

Залетной птахи радостное соло,
Под старой ивой низенький шалаш.
На небе Бог, а на реке Никола,
Один в один с икон — заступник наш.

Мосток, садок, ведро для ушицы,
Пылают воды утренним огнем.
Сосед — рыбак, легко и ошибиться:
И борода, и космы — все при нем.

По Битюгу бесчисленные мели.
И дед усох заметно, и ослаб.
А прежде был помощник в каждом деле
И, говорят, угодник местных баб.

— Ну, как улов?
— Пусты речные ясли...
Махнул рукой: — Былого клева нет!
— Скажи, — смеюсь, — Никола, многих спас ли?
— Что б вас спасти, не хватит сотни лет...

Метнет свой взгляд и вновь опустит очи,
Катая мякиш масляный в горсти.
Он не поможет, если и захочет,
И не спасет, но рыбой угостит.

* * *

*Вот как начнешь изучать семейные портреты,
так и увернешь в переселение душ.*

А. Конан Дойл

Не гибнут связи и не рвутся
Во имя Сына и Отца!
Уходим мы, чтоб вновь вернуться,
И нету этому конца.

Как тайна древняя вершится,
Нам в мудрых книгах не прочесть.
Во мне живет отца частица,
Моя частица в детях есть.

Пускай мала частичка эта,
В ней рода след и память лиц.
С ней не прервется эстафета
Передавания частиц.

Час ожидая свой и маясь,
В небесный втиснувшись проем,
Мы вновь являемся, рождаясь
В том — прежнем облике своем.

И это далеко не точка.
Меж жизнью нынешней и той
Есть неразрывная цепочка —
Отец, и Сын, и Дух Святой!

* * *

Словно крыл заколдованный взмах —
Для уснувшего ночь только миг.
Что ушло — возвращается в снах,
Но сюжеты не радуют в них.

Наше прошлое — лишь пелена,
Под которой всего и не счесть,
Но ночами спадает она,
Обнажая, что было и есть.

И врываются сны, мельтеша.
В них, где список ошибок не нов,
Что-то правлю, но плачет душа,
Сознавая бессилие снов.

Не облегчат они, не спасут.
Был я слаб и грехами ведом.
Каждый сон — как отложенный суд
Перед главным, небесным судом.